

Русский телеграф — 1998 — 28 марта — с. 11

Наш киномиф Лука Мудищев

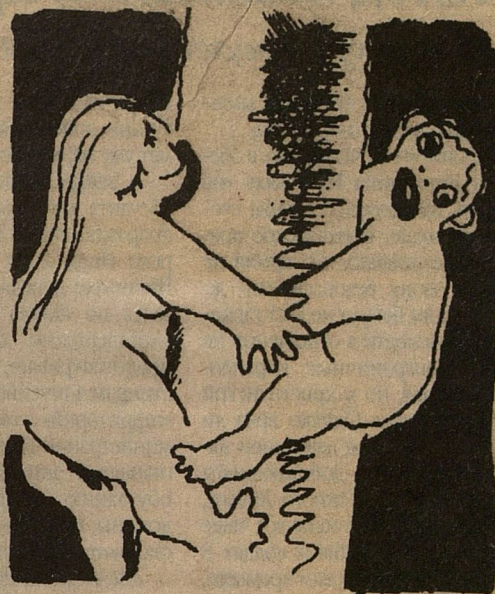
Председатель Союза кинематографистов Н.С. Михалков доказал, что его намерение возродить великий отечественный киномиф, дающий людям веру и помогающий стране выйти из депрессии, — не пустые слова. Согласно сообщению ИТАР-ТАСС, Михалков собирается выделить деньги на мультипликационную экранизацию поэмы «Лука Мудищев». Комментарий МАКСИМА СОКОЛОВА.

Рассказ работающего над фильмом режиссера Романа Митрофанова производит впечатление чего-то сильно мифологического, но не в смысле эстетико-социологическом, в каком любит рассуждать о киномифах спонсор фильма Н.С. Михалков, а более в бытовом, где мифом порой именуют нечто несообразное. Митрофанов, работающий над сценарием совместно с Рустамом Ибрагимбековым, сообщил, что «взял за основу лишь сюжет произведения», однако как раз в смысле сюжетном поэма весьма малоудачна.

То ли анонимный автор был слаб по части композиции, то ли писание похабных стихов его самого утомило, но чрезвычайно основательная сюжетная экспозиция, настраивающая читателя на неспешное чтение увлекательной ироикомической поэмы сменяется не слишком увлекательной скороговоркой про гибель сладострастной вдовы-купчихи, доведенной до смерти так желанными ей сверхъестественными достоинствами Луки Мудищева. Эпическое «Один Мудищев был Порфирий, // При грозном службу свою нес // И, поднимая х... тири, // Порой смешил царя до слез» (почти что «Мой предок Рача мышцей бранной // Святому Невскому служил; // Его потомство гнев венчаный, // Иван IV пощадил») сменяется скоропостижной картиной встречи купчихи с Лукой и немедленным неизбежным финалом — «Наустро там нашли три тела; // Лежал Мудищев без яиц...» Вытянуть такой сюжет на полнометражные 90 минут экранного времени мудрено. Возможно, талантливый Ибрагимбеков создаст иной сюжет,

отличный от канонического, но не слишком ясно, при чем тогда классическая поэма.

Режиссер Митрофанов, говоря о своей давней мечте экранизировать поэму, заметил: «Никто ее не читал, но все знают». Слова вешие, ибо из последующих речей режиссера не вполне ясно, читал ли ее он сам. Главная героиня поэмы, муженистая вдова-купчиха, доведшая своего супруга до безвременной кончины от истощения сил, увидена кинематографистами не только как воплощение «русской красоты, никакого американского сексапильства» (сомнительно, чтобы хоть кому-нибудь приходило в голову рассматривать «Луку Мудищева» как воплощение American way of life), но и как героиня нежно-лирическая — «для исполнения песен Евдокии (так авторы назвали безымянную купчиху. — М.С.) идеально подходит Татьяна Буланова, ее щемящий душу девичий голос». Саундтрек будущего фильма, бесспорно, много будет украшен щемящим душу девичьим голосом Татьяны Булановой, протяжно выводящим: «Мелки пошли в наш век людишки, // Х..в уж нет, одни х..ишки», хотя нет даже и уверенности, что певица вообще в курсе того, сколь ответственную партию ей предстоит исполнить. Что до главного героя, то в его образе кинематографисты увидели «безвременно ушедшего Олега Борисова». Данный ход творческой мысли вообще затруднителен для понимания. Лука Мудищев лишен вообще каких-либо личностных характеристик, за исключением семивершкового детородного органа. Данный инструмент — единственное, чем он интересен, что

НИКОЛА САМОНОВ

вовне соответствует гротескной эстетике похабной поэмы, тогда как отождествление сказочного феноменообладателя с почтенным покойником не соответствует не то что эстетике, но даже и простейшим нормам людского приличия, предписывающим уважение к памяти усопших.

Но даже если отвлечься от конкретных несообразностей грядущего национального киномифа, сомнительным представляется и сам выбор литературной первоосновы для мультфильма. Поэмы типа «Луки Мудищева» суть столь же необходимый, сколь и периферийный элемент национальной культуры — что-то вроде специй, в должно-умеренном количестве и при правильном выборе придающих родной речи более изысканный вкус, но никак не годящихся в качестве основного блюда — перцем не питаются. Возможно, Митрофанова, Ибрагимбекова и Михалкова привлек вкус запретности, в котором они усмотрели гарантию грядущего зрительского успеха, но и этот расчет представляется сомнительным. В обществе несвободном, обладающем жесткой регламентацией как публичного, так и частного поведения, тексты типа «Луки

Мудищева» действительно были некой отдушиной, способом демонстрации частной вольности. Не случайно граммофонная запись поэмы в исполнении народного артиста СССР В.И. Качалова в 30-е гг. была издана ограниченным тиражом для членов Политбюро ЦК ВКП(б) — сами творцы несвободы нуждались в глотке свободы. Однако для нынешней культурно-политической ситуа-

ции в России характерна вовсе не сковывающая все и вся жесткая регламентация, а скорее отсутствие понятий вообще о каких бы то ни было приличиях, и люди если и тягостятся, то уж не запретами, а их полным отсутствием. В таких обстоятельствах «Лука Мудищев» актуален примерно, как овчинный тулуп в июльский полуденный зной.

Данная эстетическая нечувственность устроителей мероприятия особенно удивительна на фоне вторичной актуализации темы Луки Мудищева, случившейся у наших соседей. Белорусы, у которых свободой и не пахнет, отчего потребность в вольной поэзии возрастает неимоверно, сложили поэму «Лука Мудищев — президент», отчего изменилась семантика этого имени не только в белорусском, но и в русском культурном пространстве. Лука Мудищев давно уже ассоциируется вовсе не с обладателем семивершкового феномена, а совсем с другим лицом — председателем Высшего совета Союза Белоруссии и России А.Г. Лукашенко. «Над Беларусью ветер свищет, // Увяли бульба и овес, // Наш президент Лука Мудищев // Садится в черный членовоз». Разумнее было бы его там, в членовозе, и оставить.